

В тусклой и тесной комнате эхом разносились слабые и частые вздохи мужчины.

Боль... действительно больно... Внутренности горели, словно охваченные огнем... Се Шулин с трудом поднял руку, прижав её к болящему животу, и, закашлявшись, харкнул кровью.

Он никогда прежде не получал столь тяжелых ран и не думал, что когда-нибудь ростовщики избьют его до такого состояния.

Если так пойдет дальше, дело действительно кончится смертью... Се Шулин горько усмехнулся: умереть сейчас было бы не лучшим исходом. Возможно, завтра он уже окажется в газетах: «Бывший знаменитый Киноимператор скончался в нищете у себя дома»... Он медленно приподнял уголки губ, но тут же решил, что это самонадеянно. Прошло уже почти двадцать лет с тех пор, как он был на пике славы, и теперь он был всего лишь жалким и смешным неудачником средних лет. Кто бы его теперь помнил?

Напряжение в лачуге было нестабильным, и бледный свет лампы мигал, как умирающая свеча на ветру. Боль повторялась снова и снова, и тело постепенно онемело. Се Шулин снова харкнул большим количеством крови, и его сознание начало затуманиваться. Возможно, из-за того, что другие чувства ослабли, его слух стал неожиданно острым, и он уловил слабые голоса за дверью.

— Сколько он должен? Я заплачу за него, только не приходите больше...

— Ой, ну тогда нам придется хорошенько подсчитать. Он должен уже больше полугода, проценты капаят на проценты, сразу и не сосчитаешь.

— Один миллион, и это окончательная цена. Если не хотите, я уйду.

— Да-да-да, берем! Конечно берем! Ну что ж, тогда деньги за товар...

Се Шулин резко дернулся, ему отчаянно захотелось крикнуть: «Я должен всего-то десять тысяч, даже у ростовщиков совести нет!»

Но он был слишком слаб, и, изо всех сил пытаясь раскрыть рот, смог лишь издавать невнятные звуки. Се Шулин вздохнул, думая: «Добрый человек, не торопись платить! Если не отвезёшь меня в больницу, я помру, и твои деньги пропадут зря!»

К сожалению, человек снаружи не слышал его и продолжал наставлять:

— Если я заплачу, на этом счета будут закрыты. Не пытайтесь больше вымогать, иначе будет плохо. Слышали про Сяо Мо, Киноимператора? Это он платит. Вы же люди уличные, должны были слышать про клан Сяо? Если наживете врагов в лице клана Сяо, пожалеете!

— Да-да-да, мы конечно не посмеем обидеть клан Сяо...

Се Шулин больше ничего не слышал. Он замер на мгновение, затем медленно свернулся калачиком, его высокое, но исхудавшее тело сжалось, и на его лице появилась улыбка, хуже, чем плач.

Кто бы мог подумать, что в конце его жизни единственным, кто о нем помнил, был не Линь Шоучэнь, которого он когда-то поддерживал всеми силами, а Сяо Мо, которого он давно забыл и с которым больше не имел ничего общего.

Сяо Мо... Как это мог быть Сяо Мо... Как это могло быть...

Спящие воспоминания медленно пробудились. Он вспомнил, как Сяо Мо смотрел на него глубокими глазами, которые внезапно потеряли блеск, когда он предложил расстаться. Он вспомнил, как Сяо Мо крепко схватил его рукав, пальцы длинные и напряженные, с выступающими венами, а он без колебаний оттолкнул его...

Се Шулин вонзил ногти в ладонь, оставив несколько кровавых следов, а затем медленно разжал руку.

Последние силы покинули его тело. Он больше не мог думать, и его сознание погрузилось в темноту. Единственное, что он помнил, было имя «Сяо Мо».

— Се-гэ, Се-гэ, скорее просыпайся!

В ушах раздавался болтливый мужской голос, а плечо без конца трясли. Се Шулин с раздражением резко открыл глаза и сердито произнес:

— Чего орешь? Ты что, смерти моей жди?

— П-прости, Се-гэ... — парень обиженно убрал руку и тихо сказал. — Через час твоя очередь на пробах, нам нужно заранее зайти в гримерную...

Пробы? Грим? Се Шулин замер, едва сдерживая смех. Что это? Его разыгрывают? Он уже более десяти лет как покинул шоу-бизнес, кто бы мог предложить ему пробы? Если это шутка, то хотя бы придумали бы что-то правдоподобное!

Но парень с серьезным лицом снова спросил, не пора ли идти в гримерную.

Се Шулин постепенно убрал с лица насмешливую улыбку, внимательно осмотрел парня и вдруг почувствовал, что он кажется знакомым. Он осторожно спросил:

— Сяо Чэнь?

— Да, это я. — Чэнь Шуцянь с недоумением посмотрел на Се Шулина. — Се-гэ, что с тобой? Ты что, заснул?

Лицо Се Шулина резко изменилось. Он встал, пристально глядя на Чэнь Шуцяня, и в его сердце зародилась догадка, которая, хоть и казалась невероятной, заставляла его сердце бешено биться. Он затаил дыхание и дрожащим голосом спросил:

— Сегодняшняя дата, скажи мне!

Чэнь Шуцянь суетливо достал телефон, посмотрел и осторожно сказал:

— Сегодня 21 октября 2018 года.

Се Шулин тяжело опустился обратно на стул, чувствуя, как по телу разлился холодный пот, и все силы покинули его. Он некоторое время молчал, затем с трудом поднял руку и махнул ей, тихо сказав:

— Я понял, иди пока.

— А... а пробы и грим... — Чэнь Шуцянь, оглядываясь через каждые три шага, дошел до двери,

его лицо выражало обиду, будто он был покинутой женой.

Се Шулин невольно подергал бровью.

— Потом разберемся, ничего не пропустим.

Чэнь Шуцянь услышал это, мгновенно изменился в лице, радостно подпрыгнул и вышел, заботливо закрыв за собой дверь.

После его ухода Се Шулин наконец расслабился, его тело начало неконтролируемо дрожать. Он с трудом поднял непослушное тело, подошел к зеркалу и посмотрел в него.

Там было молодое лицо, чуть больше двадцати лет, с высоким носом и тонкими губами, алыми, как кровь, с обликом страстного человека. Брови и глаза были слегка яркими, словно нарисованными тушью, на первый взгляд казались глазами, полными любви, но с легким наклоном уголков глаз, что добавляло нотку холодности.

Се Шулин медленно поднял руку, коснулся уголка глаза и не мог не восхититься милосердием небес.

Он вернулся к жизни, и более того, он вернулся в самый расцвет своей актерской карьеры, в молодость двадцатилетней давности.

— Сяо Чэнь! — Се Шулин громко позвал, и за дверью раздался грохот, Чэнь Шуцянь ворвался в комнату, едва не упав.

— Где сценарий? — Се Шулин удобно устроился в кресле и небрежно спросил.

Чэнь Шуцянь обрадовался, достал из бокового кармана рюкзака смятый сценарий и протянул его:

— Се-гэ, ты наконец в своем уме! Даже если Сяо-гэ играет главную роль, хороший сериал все равно надо снимать...

Се Шулин с отвращением взял сценарий двумя пальцами, раздумывая, стоит ли его открывать, как вдруг сценарий с грохотом упал на пол. Он поднял глаза на Чэнь Шуцяня, уголки его глаз слегка покраснели от возбуждения:

— Сяо Мо?

Он вспомнил.

Листая сценарий, Се Шулин наконец вспомнил, когда это было. Это было вскоре после того, как он расстался с Сяо Мо, в то время, когда они оба чувствовали себя неловко, поэтому в прошлой жизни он вообще не пошел на пробы, просто отказался от этого сериала.

Се Шулин нежно провел пальцем по крупным иероглифам «Третий лауреат» на обложке сценария. Он отчетливо помнил, что в прошлом, после того как он отказался от этого сериала, Линь Шоучэнь настойчиво просил его дать ему шанс пройти пробы на роль второго плана, и в итоге успешно получил роль, что принесло ему немало славы. Сяо Мо же благодаря этому сериалу получил премию «Золотая орхидея» за лучшую мужскую роль и стал знаменитым.

Если небеса были так милосердны, что дали ему второй шанс, то он точно не собирался отказываться от сериала «Третий лауреат». Се Шулин открыл сценарий, нашел часть, которую

нужно было сыграть на пробах, и начал внимательно изучать.

Как бы то ни было, он был действующим Киноимператором, и если он сам не откажется, кто мог бы отобрать у него роль?

Вскоре Чэнь Шуцянь снова постучал в дверь и позвал его в гримерную. Се Шулин отложил сценарий, потянулся и бодро вышел из комнаты отдыха.

Сегодня было много людей на пробах, и гримерная была переполнена. Се Шулин с улыбкой на лице здоровался со всеми, не проявляя никакого высокомерия, что удивило многих, кто его знал.

— Боже, я не ошибся? Се Шулин улыбается так счастливо, он что, с ума сошел?

<http://bllate.org/book/16600/1517120>